

С. И. Мунжукова

Б. А. Энгельгардт и судьба его воспоминаний. 1940-е – 1960-е гг.

Борис Александрович Энгельгардт (1877–1962) происходил из смоленских Энгельгардтов. Его предок в XVII в. получил от польского короля Сигизмунда большие земли под Смоленском, и затем, спустя 30 лет, женился на русской и перешел в православие. Со временем смоленские Энгельгардты стали считать себя русскими. Борис Александрович в рассказе о своем роде вскользь упоминает о курляндских Энгельгардтах, но подробной информацией по этому вопросу он не располагал¹.

Борис Александрович родился в семье генерала, артиллерийского конструктора Александра Петровича Энгельгардта². Он пошел по стопам отца, поступив в привилегированный Пажеский корпус. Так, Борис Александрович принял участие в коронации Николая II, будучи камер-пажом императрицы. Впоследствии он с отличием закончил Академию Генерального Штаба и принял участие в Русско-японской войне. В 1906 г. он был тяжело ранен и вышел в отставку. С 1907 г., после смерти отца, Борис Александрович занялся сельским хозяйством в своем имении. В 1912 г. был избран членом Государственной думы IV созыва от своей губернии. В Думе Энгельгардт был докладчиком военного бюджета, ряда законов об усилении армии и изменений в воинском уставе.

С началом Первой мировой войны Борис Александрович вновь поступил на военную службу и пробыл на фронте 15 месяцев, после чего он был избран членом Особого совещания по Обороне и отозван для работы в Думе. Весной 1916 г. был командирован в союзные страны в составе Русской Парламентской делегации.

**Мунжукова
Светлана Игоревна,**
магистрант,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

В феврале 1917 г. на несколько дней он занял важный пост коменданта Петрограда и справлялся с поддержанием относительного порядка в городе. Впоследствии Энгельгардт выступил против советской власти на стороне белогвардейцев и бежал с ними в 1920 г. из Крыма в Константинополь. Затем он перебрался в Париж, где был вынужден работать таксистом; после они с женой переехали в Ригу, занявшись фермерством. Борис Александрович оставался в Латвии вплоть до Второй мировой войны, когда советские войска заняли эту территорию. Таким образом, он вновь оказался на Родине.

После возвращения в Россию Энгельгардт приступил к написанию своих мемуаров, охватывающих период с конца XIX в. по 1920-е гг. Сохранились две редакции его воспоминаний — 1953 г. и 1961 г. Первая машинописная копия хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, а вторая — в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Также в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится 3 рукописных черновика, написанные Борисом Александровичем в ходе работы над обоими вариантами воспоминаний. Частично воспоминания были изданы в «Военно-историческом журнале» в 1964 г., а в 2003 г. в журнале «Клио» была опубликована глава о Февральской революции с подробными комментариями А. Б. Николаева³. Отдельного издания полнотекстового варианта мемуаров Б. А. Энгельгардта на данный момент не выходило.

О жизни Б. А. Энгельгардта в России до революции написано несколько подробных статей, предвещающих публикацию фрагментов его воспоминаний⁴. О периоде его жизни в эмиграции нам известно также из его воспоминаний⁵. Писали об этом и некоторые российские авторы. В гораздо меньшей степени исследован период жизни Бориса Александровича после его вынужденного возвращения в СССР в 1940 г.

В 1940 г., после начала советизации Латвии, проходила эвакуация немцев в Германию. Борису Александровичу, как носителю немецкой фамилии, также предлагали уехать, но он не согласился, считая, что «смоленские» Энгельгардты... на немцев смотрели как на чуждых нам, а со времени войны, как на врагов»⁶. Оставшись в Латвии, Борис Александрович понадеялся на то, что со времен его борьбы с советской властью прошло уже свыше 20 лет, и эта власть будет к нему снисходительна⁷. Однако спустя 10 дней после того, как советские войска вошли в Ригу, Энгельгардт был арестован. По своей наивности он посчитал, что его арестовали для дознаний, и через пару дней отпустят. Однако вместе с остальными арестованными русскими его отправили в Москву.

На тот момент Борису Александровичу было уже 63 года. Как он сам писал: «Я оказался намного старше всех остальных и по общему приговору был освобожден от всяких работ по уборке и чистке камеры»⁸. Энгельгардт пробыл в нескольких тюрьмах Москвы около года. Затем ему дали прочесть его законченное дело: «Мне предстояла административная высылка в Хорезмскую область на 5 лет. Такой приговор мог казаться

снисходительным для бывшего начальника отдела пропаганды Добровольческой армии, но для меня в мои годы и годы жены, это было почти равносильно разлуке с нею навеки»⁹. Переезд был тяжелым. На пути останавливались несколько раз в пересыльных тюрьмах: в первый раз в Сызрани, затем в Ташкенте. Конечным пунктом путешествия был Ургенч. Как писал Энгельгардт, «начальство НКВД предупредило, ...что те, кто найдут работу в Ургенче, могут тут же и остаться. Остальные должны ехать в Хиву».

Энгельгардт для выручки денег «продал на базаре свои валенки и пиджак, штаны и жилет были украдены в Ташкенте»¹⁰. Так он получил 89 руб., чего хватало на жизнь на неделю. Он решил использовать свои рисовальные таланты, но ни в кинематографе, ни в музее ничего найти не удалось. Энгельгардт пишет о том, что найти работу ему помог случай: «Какой-то прохожий остановился передо мной: — Ну что вы тут делаете? — довольно сочувственно спросил он. — Жду у моря погоды, — ответил я. — Работы не нашли? — продолжал незнакомец. — Нет. — Так заходите ко мне минут через 5–10, мы что-нибудь найдем. — Куда к вам? — Я начальник НКВД. Через полчаса я был зачислен чертежником в городском управлении»¹¹.

По кратким сведениям из материалов биографии Бориса Александровича, за годы своей ссылки он сменил несколько работ: «...в Хиве был художником в Государственном Музее, рисовал плакаты о войне и диаграммы для музея; в Ургенче состоял тренером Государственной Конюшни, потом сторожем пчельника на берегу Аму-Дарьи; в Ташкенте агрономом на заготпункте, потом зоотехником на ипподроме»¹².

В 1943 г. он обратился с письмом к И. В. Сталину с просьбой «поставить крест на моих грехах в прошлом и привлечь меня в ряды Советской армии»¹³. На основании этого письма Энгельгардт был вызван в Военкомат в Ташкенте, освидетельствован и, несмотря на 66-летний возраст, признан «годным» к военной службе. Однако в армию его все же не призвали, о чем он сожалел впоследствии.

В 1946 г. в ответ на его новое письмо Сталину последовало разрешение переехать в Ригу¹⁴. Так закончилась ссылка Б. А. Энгельгардта в Хиву. В 1945 г. он получил советский паспорт¹⁵ и смог найти работу в Латвии. С 27 июня 1947 г. Борис Александрович устроился в Гидрометеослужбу Латвийской ССР в качестве переводчика с английского и французского языков¹⁶. Как отмечается в его служебной характеристике, «за время работы в УГМС проявил себя исключительно трудолюбивым, дисциплинированным и исполнительным работником. Все поручения руководства выполняет добросовестно, качественно и в срок»¹⁷.

Примерно в это же время началась его активная работа над мемуарами. В 1946 г. «по свежим впечатлениям»¹⁸ он описал в своих тетрадях воспоминания о пребывании в заключении в 1940–1941 гг. Тогда же началась его работа по созданию первого черновика воспоминаний периода революции и гражданской войны. В Отделе рукописей Российской

национальной библиотеки хранятся рукописные тетради, охватывающие период от Февральской революции до конца 1917 г., они явились черновиком к первой версии работы.

Уже в 1948 г. Энгельгардт предложил свой труд журналу «Новый мир». Но в тот период трудно было представить, что в столичном литературно-художественном журнале появятся воспоминания бывшего белогвардейского офицера¹⁹. Журнал отказал Борису Александровичу в публикации материала, но он не бросил свой труд и продолжил работу над текстом воспоминаний.

В 1949 г. Энгельгардт был уволен ввиду сокращения должности. Это осложнило его существование и вынудило снова приступить к поискам работы. В 1950 г. он устроился на Рижский государственный ипподром, получив должность младшего конюха. При этом он выполнял и различные канцелярские обязанности, имея зарплату 300 руб. в месяц²⁰. Кроме того, он «занимал должность секретаря Судейской коллегии (50 руб. в неделю) и должность технического редактора программы (40 руб. в неделю)»²¹. Таким образом, в тот период времени Борис Александрович зарабатывал около 600–750 руб. в месяц. Этого едва хватало для того, чтобы сводить концы с концами ему и его жене. В 1955 г. на ипподроме узнали о его успехах в занятии конным спортом до революции и привлекли Бориса Александровича к тренингу. Однако указания о новом назначении поступили лишь в устной форме, что и заставило писать Б. А. Энгельгардта заявление о невыплате зарплаты в дирекцию Рижского ипподрома: «с 1-го апреля (1955 г. — С. М.) я аккуратно вел наблюдение за тренингом. Между тем прошел весь апрель, за ним весь май и я не получал ни добавки 30 руб. к должности конюха, ни каких-либо отчислений процентов. Между тем, я принужден был отказаться от должности технического редактора, ввиду перегрузки работой наблюдения за тренингом, требующей составления картотек, таблиц, диаграмм и схем, т. ч. теперь моя зарплата сводилась к 500 руб. в месяц. ...Я веду наблюдение за тренингом, кроме меня никто этой работы на дорожке не ведет, но в то же время кто-то другой получает присвоенное штату заведующего тренингом содержание, а я принужден довольствоваться зарплатой младшего конюха»²².

Небольшой доход переводчика, а затем уменьшение зарплаты на ипподроме ставили вопрос об обеспечении его маленькой семьи. С 1947 г. Борис Александрович писал письма в отдел социального обеспечения Риги с просьбой назначить ему и его жене пенсию, однако на его запросы приходили отрицательные ответы. Так, 20 марта 1950 г. ему разъясняли, что «стаж работы Е. Энгельгардт (жены Б. А. — С. М.) освидетельствован свидетелями. Свидетели показали, что она с 1929 г. – 1948 г. работала на случайных работах, занимаясь починкой белья, а с 1934–1939 г. одновременно по надобности убирала квартиру у Заралига. Согласно действующим правилам такие случайные работы в трудовой стаж не включаются. Требуемый 20-летний стаж работы не доказан, потому пенсия по старости Е. Энгельгардт не полагается. ...А для назначения пенсии по старости Б. Энгельгардту

требуется доказать 25-летний срок работы по найму (ст. 136 инстр.). Так как Б. Энгельгардт указанный стаж работы доказать не может, пенсия по старости ему также не полагается»²³.

В 1950 г. Борису Александровичу уже было 73 года, тогда он еще мог работать, хотя, как он замечал, «работоспособность падает, сказываются последствия ранения»²⁴. Органы социального обеспечения объясняли невозможность начисления ему пенсии небольшим стажем работы в СССР, заведомо понимая, что Борис Александрович не сможет выработать этот 25-летний стаж ввиду своего возраста.

В 1955 г. Б. А. Энгельгардту была предложена альтернативная помощь: «При изъявлении своего желания, Вы и Ваша жена можете быть помещены в один из домов инвалидов г. Риги»²⁵. Но Борис Александрович был вынужден отказаться: «Я приношу благодарность за предложение поместить меня с женой в одном из домов инвалидов Риги, но это может привести к жизни врозь с женой, а совместная жизнь — это главная радость нашей жизни. Поскольку Правительство Латвийской ССР готово взять меня с женой на свое иждивение, я прошу о пересмотре решения Исполнительного Комитета Трудящихся и о предоставлении хотя бы одному пенсии по старости, хоть я и нахожусь на учете в Туберкулезном диспансере (Мартовская ул.), но еще в состоянии работать и при получении пенсии обеспечить существование жены и свое»²⁶.

В отчаянии Борис Александрович в 1956 г. написал письмо Г. К. Жукову, описывая свое прошлое и прошлое своего отца, с просьбой помочь в начислении ему пенсии: «Я инвалид 2-й категории, у меня на руках старая больная жена, без моей помощи не могущая выйти на улицу, я неоднократно обращался с ходатайствами о пенсии во все инстанции, но неизменно получал ответ, что на основании ст. 107 мне пенсия не полагается. Я еще продолжаю работать и готов работать дальше, но силы заметно падают, и я ясно вижу, что недалек тот час, когда моя старческая работа никому больше будет не нужна. Перед моими глазами стоит перспектива просить милостыню... Я пользуюсь всеми правами советского гражданина, правом свободной работы, правом голоса на выборах, правом проживания в пограничном городе, одним словом всеми правами, кроме — права обеспечения старости. Если невозможно обеспечить мою старость и старость моей жены потому, что я много грешил в прошлом, быть может Советская власть найдет возможным дать мне обеспечение за заслуги отца перед Родиной»²⁷. Нам неизвестно, повлияло ли обращение к Г. К. Жукову на материальное положение бывшего белогвардейца. Скорее всего, Жуков не ответил Борису Александровичу, в противном случае письмо хранилось бы среди прочих материалов.

В 1957 г. Б. А. Энгельгардту исполнилось 80 лет, и он отошел от дел. Вскоре после этого, в феврале 1958 г., он получил новое письмо от социальных служб советской Латвии: «На Ваше заявление Кировский райсобес г. Риги Вам повторно поясняет о производстве

Многоуважаемый Георгий Константинович,

я знаю, что Советская Власть проявляет участие к детям и даже потомкам людей, отмеченных заслугами перед Родиной в прошлом, и на этом основании иду Вашей помощи.

Имя моего отца, бывшего генерала от артиллерии Александра Петровича Энгельгардт, не сю пору с уважением упоминается в дни артиллерийских праздников.

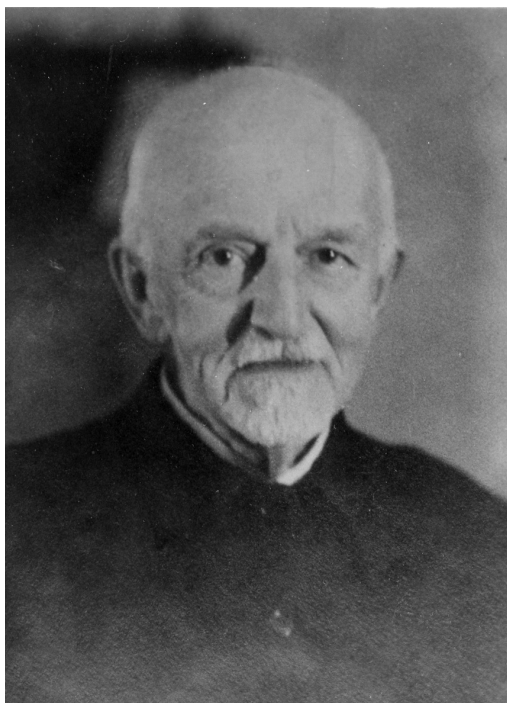
Он первый из русских артиллеристов оценил значение, которое тяжелая полевая артиллерия будет иметь в войнах будущего, и первый в мире ее поставил на полевой лафет тяжелую пушку (полевая мортира образца 1886 года), первый применил к полевым и батарейным пушкам с клиновым затвором упругий сошник для предохранения отката орудия, на ресорах его системы был поставлен весь обстрел русской армии, он был занят конструированием безоткатного лафета скорострельной пушки, когда в 1898 году его постиг удар, от которого он не оправился вплоть до своей смерти в 1907 году. Его работа была закончена на Путиловском заводе его помощником, инженером Бишлагером.

Мне 78 лет. Я — бывший офицер, окончил Академию Генерального Штаба, участник войны с Японией в 1904—5 гг., был тяжело ранен, участник Первой Мировой войны, исполнил обязанности начальника штаба гвардейского корпуса в боях под Ивангородом и под Ломжей, носил за них георгиевское оружие. Оба раза шел на войну не будучи обязанным к этому по службе, а в 1914 году был даже освобожден от воинской повинности, как член Государственной Думы.

Без малого четыре десятка лет тому назад я сознательно и убежденно боролся против Советской Власти.

Боролся потому, что Большевики стояли за неведомый мир, а я считал его недопустимым в то время, когда враг занимал значительную часть территории моей Родины.

Фрагмент письма Б. А. Энгельгардта Г. К. Жукову



**Б. А. Энгельгардт. Конец 1950-х гг.
(Отдел рукописей РНБ)**

расчета размера Вашей пенсии: Средняя месячная зарплата, согласно справок Рижского Государственного ипподрома — 438 руб. в месяц. Что касается Вашей жены, то поясняем, что согласно ст. 100 Положения о порядке назначения и выплат государственных пенсий, к пенсиям, назначенным при неполном стаже, надбавки не начисляются. О сроке назначения пенсии Вам уже подробно пояснено отношением отдела от 29.09.1957 за № 7591»²⁸. Скорее всего, сведения, полученные райсобесом, пришли с запозданием, и соответствующие подсчеты зарплаты Б. А. Энгельгардта уже не соответствовали действительности.

Другие сведения о получении им от государства какой-либо поддержки в архиве отсутствуют. Предположить, что Борис Александрович все же получил пенсию по всем правилам советского законодательства, не представляется возможным, так как даже если учитывать его

работу по найму в годы хивинской ссылки, трудовой стаж Б. А. Энгельгардта не превышал 18 лет и не давал основания для начисления ему пенсии.

Сохранилась небольшая заметка в рижскую газету, написанная в 1962 г. Борисом Александровичем, где он благодарит за помощь своих знакомых: врача А. Берзиня, инженера Н. Боровика, работницу Н. Литвину и других. Как отмечает Энгельгардт, они заботились о нем, приносили дрова из погреба, покупали продукты «бескорыстно, от чистого сердца»²⁹. Борис Александрович умер в 1962 г. на 85-м году жизни.

Работая на ипподроме, Борис Александрович не прекращал работы над рукописью, предпринимая попытки опубликовать ее. В 1956 г. Б. А. Энгельгардт закончил машинописную рукопись второй части воспоминаний «Революция и контрреволюция» и обратился в Управление печати ЦК КПСС: «Представляю свой труд под заглавием “Революция и Контрреволюция”. Не имея связи с издательствами и ввиду политического характера моего труда — личных воспоминаний о прошлом, прошу о рассмотрении его и, если возможно, содействовать его напечатанию. Может быть, к 40-летнему юбилею Советской

Власти было бы уместно издать откровенные признания человека, в свое время пытавшегося бороться с нею»³⁰. Однако ответа на данное письмо в фонде Бориса Александровича нет, рукопись осталась неопубликованной.

На тот момент она представляла собой 285-страничный текст, который состоял из 18 глав³¹. Текст еще не был подвергнут обработке — автор спокойно говорит о своем желании в 1917 г. остановить революцию³². Он считал, что, установив дисциплину в войсковых частях, можно будет навести «порядок» и во всей стране³³. Он выделяет контрреволюцию парламентскую, военную, заговорческую, и к осени 1917 г. — правительственную, акцентируя внимание на поступках той или иной социальной группы, которая не выступает против власти, а лишь обсуждает разные пути дальнейшего развития революции.

В 1956 г. Б. А. Энгельгардт обращается к А. Т. Твардовскому, пытаясь опубликовать свои воспоминания в «Новом мире». Однако на тот момент Александр Трифонович уже не работал в журнале; он передал рукопись главному редактору альманаха «Литературная Москва» Э. Г. Казакевичу. Как писал Твардовский, «он... заверил, что наверняка опубликует некоторые части (или главы) ее, если, конечно, Вы дадите свое согласие»³⁴. Так началось путешествие рукописи по редакциям. Вскоре Борис Александрович получил письмо от самого Казакевича с заверениями о публикации воспоминаний после отбора глав³⁵. Однако спустя год Казакевич сообщил: «...с печатанием Ваших воспоминаний в “Литературной Москве” дело все не выходит. В третий номер они не могли войти, а будет ли четвертый номер — бог знает, после критики, которой наш альманах подвергся. ... может быть стоит пока рукопись оставить у меня? Я при первом удобном случае... постараюсь устроить рукопись в какой-либо журнал, или в альманах, или, наконец, в издательство»³⁶. После этого Казакевич на пять месяцев уехал на Урал, а Борис Александрович, обеспокоенный судьбой своей рукописи, решил не оставлять надежд на скорейшую публикацию в другом издании.

В 1957 г. он обратился с просьбой прочесть свои воспоминания к писателю Л. В. Успенскому. Лев Васильевич с интересом ознакомился с материалом, нашел его достоверным и правдивым отражением событий прошлого и пообещал пристроить рукопись в «Звезду» или в «Неву»³⁷. Отметим, что в этот период начинается новая правка материала Борисом Александровичем — он добавляет биографические фрагменты, посвященные упоминаемым лицам: «я как раз присылаю Вам некоторое дополнение серьезности, развивая характеристику Сухомлинова... Очень прошу Вас выбросить из главы “Канун Революции” страницы 79 и 80 и заменить их семью страницами, присылаемыми мною: 79, 79а, б, в, г, д, 80»³⁸. Однако и Успенский не смог помочь Борису Александровичу. В своем письме от 16 апреля 1958 г. он сообщает Б. А. Энгельгардту о тщетности своих попыток: «“Звезда” и “Нева” мне отказали»³⁹.

На этом история мемуаров бывшего коменданта революционного Петрограда не закончилась. Вскоре редактором «Нового мира» вновь назначили А. Т. Твардовского, который предложил Борису Александровичу опубликовать часть его материалов в разделе «Дневники, воспоминания, документы»⁴⁰. Началась работа над подготовкой рукописи к печати.

Видимо, в этот период и имела место последняя редакция текста, выполненная Борисом Александровичем. Три главы, раскрывающие разные типы контрреволюции 1917 г., теряют свою привязанность к социальным группам. Теперь он выделяет лишь две главы: «Пути мирной контрреволюции» и «Наращение контрреволюции». Акцент переносится на противопоставление части общества новой власти, нежелание что-то менять, ломать сложившиеся порядки и устои⁴¹. В то же время автор, как бы оправдываясь перед властью, говорит о том, что в тот период он не понимал, что своими действиями выступает «против революции»⁴². Скорее всего, внесенные правки, с одной стороны, сокращали количество глав в рукописи, а с другой — делали материал более пригодным к печати.

Однако и в таком виде воспоминания Энгельгардта не получили шансов на опубликование. В 1960 г. А. Т. Твардовский сообщил Борису Александровичу: «К моему искреннему сожалению, должен огорчить Вас: мы не сможем напечатать в "Новом мире" главы Ваших воспоминаний, как говорится, по независящим обстоятельствам»⁴³. Безусловно, это был тяжелый удар для 83-летнего автора.

Весной 1961 г. сотрудники «Звезды» проинформировали Энгельгардта о том, что намерены с интересом прочесть его воспоминания⁴⁴, однако на этом дело и закончилось. Все сообщали автору, что его воспоминания интересны, полезны и должны быть непременно напечатаны, однако дальше чтения и подготовки к печати дело не шло.

Весной 1962 г. в очередной раз забрезжила надежда — военные издатели с одобрения Института истории вплотную занялись мемуарами Б. А. Энгельгардта. Однако он так и не увидел свой труд напечатанным. Борис Александрович скончался 2 сентября 1962 г., а в 1964 г. фрагментарно его воспоминания «Революция и Контрреволюция» были опубликованы в «Военно-историческом журнале» под названием «Потонувший мир»⁴⁵.

Ожидая прихода советских войск в ходе начавшейся Второй мировой войны, Б. А. Энгельгардт оставался в Латвии. Выбирая между Германией и СССР, он предпочел свою страну. За 22 года, проведенные в Советском Союзе, он прошел через тюрьмы, отбыл ссылку в Хиве, работал везде, где только мог, пока были силы, чтобы прокормить себя и жену. Борис Александрович прожил очень трудную жизнь и оставил после себя воспоминания о переломном моменте в истории России. Он мечтал опубликовать книгу, куда его авторский текст вошел бы целиком. Однако до сих пор в различных изданиях печатаются лишь фрагменты его мемуарных свидетельств.

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 1052. Д. 108. Л. 1. — Письмо Евгению Александровичу [Федорову], автору произведения «Каменный пояс», в котором упоминается предок Б. А. Энгельгардта.

² В воспоминаниях Б. А. Энгельгардт не склонял фамилию своего отца. В переписке он также не склонял свою фамилию. Однако в отечественной историографии все же принято это делать.

³ *Николаев А. Б.* Воспоминания председателя военной комиссии Временного Комитета Государственной думы о февральской революции 1917 г. // Клио. 2003. № 1 (20). С. 180–197.

⁴ Там же; *Мальцев А. Д.* 1) Из истории публикации «Воспоминаний» Б. А. Энгельгардт: по переписке автора // Русская литература: историко-литературный журнал. 1996. № 4. С. 133–157; 2) Б. А. Энгельгардт. Воспоминания 1940–1941 гг. // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. науч. тр. ГПБ. Л., 1996. С. 148–182; Потонувший мир // Военно-исторический журнал. 1964. № 1. С. 70–81.

⁵ ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 39. Воспоминания о далеком прошлом. Часть 2. Революция и контрреволюция. Глава 12. Эмиграция.

⁶ Там же. Л. 61–62.

⁷ Там же. Л. 62.

⁸ *Мальцев А. Д.* Б. А. Энгельгардт. Воспоминания 1940–1941 гг. ... С. 162.

⁹ Там же. С. 176.

¹⁰ Там же. С. 181.

¹¹ Там же. С. 182.

¹² ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 12. Л. 1. Заявление в управление печати ЦК КПСС. Предложение к напечатанию своего труда «Революция и контрреволюция». 1956 г.

¹³ Там же. Д. 102. Письмо Г. К. Жукову. 16 июня 1955 г.

¹⁴ Там же. Д. 39.

¹⁵ Там же. Д. 5. Документы, связанные с назначением пенсии Б. А. Энгельгардт. 4 декабря 1947 – 7 февраля 1958 гг.

¹⁶ Там же. Д. 4. Служебные характеристики от Управления Гидрометеослужбы Латвийской ССР (1 сентября 1949 г.) и дирекции Рижского ипподрома (29 января 1954 г.).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Д. 12. Л. 1.

¹⁹ *Мальцев А. Д.* Из истории публикации «Воспоминаний» Б. А. Энгельгардт: по переписке автора... С. 134.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 7. Л. 1. Заявление о невыплате дирекцией Рижского Госипподрома зарплаты за работу по тренингу. Рига. 5 июня 1955 г.

²¹ Там же. Л. 1.

²² Там же.

²³ Там же. Д. 5. Л. 4.

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 11.

²⁷ Там же. Д. 102. Л. 2.

²⁸ Там же. Д. 5. Л. 12.

²⁹ Там же. Д. 93. Л. 1. «Спасибо, дорогие друзья!». Заметка. Рига, февраль 1962 г.

³⁰ Там же. Д. 12. Л. 1.

³¹ Там же. Ф. 218. Картон 384. Энгельгардт Б. А. «Контрреволюция».

³² Там же. Л. 14.

³³ Там же. Л. 64.

³⁴ Там же. Ф. 1052. Д. 134. Л. 1. Твардовский А. Т. О публикации в «Новом мире».

³⁵ Там же. Д. 124. Л. 1. Казакевич Э. Г. Письмо о возможности публикации глав в «Литературной Москве».

³⁶ Там же. Л. 2.

³⁷ Там же. Д. 135. Л. 2. Л. В. Успенский о воспоминаниях.

³⁸ Там же. Д. 107. Л. 2. Письмо Л. В. Успенскому от 20 января 1958 г.

³⁹ Там же. Д. 135. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Д. 134. Л. 2.

⁴¹ Там же. Д. 33. Л. 34. Воспоминания о далеком прошлом. Часть 2. Революция и контрреволюция. Глава 3. Николай II. Временное правительство. Противоречия. Глава 4. Пути мирной контрреволюции. Глава 5. Нарастание контрреволюции.

⁴² Там же. Д. 32. Л. 15. Воспоминания о далеком прошлом. Часть 2. Революция и контрреволюция. Глава 2. Февральская революция.

⁴³ Там же. Д. 134. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Д. 149. Л. 1. «Звезда», просьба ознакомиться с материалами.

⁴⁵ *Мальцев А. Д.* Из истории публикации «Воспоминаний» Б. А. Энгельгардт... С. 135.

УДК 94(47).084

Мунжунова С. И. Б. А. Энгельгардт и судьба его воспоминаний. 1940-е – 1960-е годы // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 134 – 145.

АННОТАЦИЯ: В статье, основанной на материалах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, показано, как сложилась судьба известного политического деятеля начала XX в. Бориса Александровича Энгельгардта после Великой Отечественной войны. Б. А. Энгельгардт был известен как опытный военный, член Государственной Думы и Особого совещания по Обороне. В феврале 1917 г. он на несколько дней принял ответственную должность, став комендантом революционной столицы. В годы Гражданской войны он воевал на стороне «белых» и эмигрировал с Врангелем в 1920 г. С началом Второй мировой войны он не пожелал покинуть Латвию, где уже несколько лет жил с женой. Так Б. А. Энгельгардт вернулся на Родину, где сразу же попал в тюрьму, а затем и в ссылку. Ему разрешили вернуться в Ригу лишь в 1947 году. Чтобы прокормить себя и жену, ему приходилось работать везде, где его брали. Однако денег на жизнь и уход за больной женой не хватало, а в пенсии им было отказано. Б. А. Энгельгардт работал до своего 80-летия. Еще в 1940-х гг. он начал писать свои мемуары. Особенно детально он проработал вторую часть «Революция и контрреволюция», пытаясь опубликовать ее в одном из исторических журналов к юбилею революции. Сохранилось два машинописных варианта его мемуаров, а также несколько рукописных черновинов отдельных глав, что позволяет нам понять, сколь тщательно Энгельгардт редактировал свой текст в течение 20 лет. Однако при его жизни воспоминания так и не вышли в свет. Его мемуары были опубликованы фрагментарно в нескольких номерах «Военно-исторического журнала» в 1964 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая российская революция, Б. А. Энгельгардт, воспоминания, гражданская война, комендант Петрограда, возвращение в Россию.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); s.i.munzhukova@spbu.ru

Munzhukova S. I. B. Engelgardt and his Memoirs. 1940s–1960s

ABSTRACT: on materials from the Department of Manuscripts of the National Library of Russia, this article examines the 1940s life of a significant person from the beginning of twentieth century, B. Engelhardt. Prior to 1917, Engelhardt was known as an experienced military commander, and as a member of State Duma of the Russian Empire and the General Command of the Defense. During the February Revolution he became one of the most important people of Petrograd for a few days as he held the position of city Commandant in the revolutionary capital. In the years of the Russian Civil War he fought for Whites and then fled the country with Wrangel in 1920. As World War II began, he refused to leave independent Latvia, where he had lived with his wife for a few years. With the Soviet invasion, Engelhardt thus returned to his homeland, where he was immediately jailed and then sent into to exile. Only in 1947 was he allowed to return to Riga. To support himself and his wife, he worked anywhere he could. The couple still did not have enough money, and they were refused in state pension. Despite this, Engelhardt did not fall into despair; he worked until he was eighty years old. In the 1940s, he began to write his memoirs. These include a detailed, second part entitled "Revolution and Counterrevolution", which he tried to publish in one of the history journals for the anniversary of the October Revolution. The article examines two typewritten versions of his memoirs and several handwritten drafts of single chapters, which show how carefully Engelhardt edited their text over some twenty years. His memoirs in their entirety were never published during his lifetime; only fragments were published in several issues of the "Voенно-Istoricheskiy journal" (Journal of Military History) in 1964.

KEYWORDS: The Great Russian revolution, emigration, B. Engelhardt, memories, Civil war, commandant of Petrograd, return to Russia.

AUTHOR: Master's Degree Student, Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); s.i.munzhukova@spbu.ru

REFERENCES:

¹ Nikolaev A. B. 'Vospominaniya predsedatelya voennoj komissii Vremennogo Komiteta Gosudarstvennoj dumy o fevral'skoj revolyucii 1917 g.', *Klio*, no. 1 (20), 2003.

² Malzev A. D. 'Iz istorii publikacii «Vospominanij» B. A. Ehngel'gardt: po perepiske avtora', *Russkaya literatura: istoriko-literaturnyj zhurnal*, no. 4, 1996.

³ Malzev A. D. 'B. A. Ehngel'gardt. Vospominaniya 1940–1941 gg.' in *Istochnikovedcheskoe izuchenie pamyatnikov pis'mennoj kul'tury: Sb. nauch. tr. GPB* (Leningrad, 1996).

⁴ 'Potonuvshij mir', *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 1, 1964.